

АРТИСТ Хазанов работает в жанре, наиболее подверженном тлену. Но этот неприятный удар судьбы он парирует блестящим ходом: выступает на эстраде почти тридцать лет и до сих пор является в своем жанре, как многие считают, персоной номер один.

- А когда-то давно вас, Геннадий Викторович, не приняли в Щепкинское театральное училище...

- Почему только в Щепкинское? И в Щукинское, и в ГИТИС, и во ВГИК - нигде не приняли! В ГИТИС не приняли даже на театроведческий, куда я от отчаяния пытался поступить после провала на актерском факультете!.. Но это - нормально. По прошествии стольких лет я понимаю: если б я сидел в приемной комиссии, то тоже, может, этого юношу бы не принял. Понял бы, возможно, что с режиссерами у него будут складываться крайне напряженные отношения...

- Вы ведь так и не работаете с режиссерами?

- Так и не работаю. Семнадцать лет назад мы с Романом Виктюком делали спектакль "Очевидное и невероятное". Я сначала вообще не понимал, чего он от меня хочет. И во время репетиции осмелился сказать: "Пожалуйста, не забывайте, что это не я играю ваш спектакль, а вы мне ставите мой!.." В этом и заключается, на мой взгляд, вся разница между драматическим театром и эстрадой. Эстрада всегда очень личностна. В этом ее преимущество и огромный недостаток. Но, в конце концов, я так давно этим занимаюсь, что кажется, сам про свою профессию кое-что понял. Это не значит, конечно, что мне вообще не нужны никакие советы, никакое так называемое творческое общение. Я тоже боюсь стать одинаковым. Эта опасность есть. Конечно, можно себя утешить, что к Эйфелевой башне люди ходят уже сто лет и им не надоедает. Но ведь можно себе и ответить, что для этого надо быть Эйфелевой башней. А если ты только детская пирамидка?..

- И все-таки вы играли в театре и кино, уже став знаменитым артистом эстрады. Зачем? Это что, комплекс провалившегося абитуриента?

- Затем, чтобы узнать, что это такое, как это - работать не одному, а в команде. Именно поэтому я и пошел во МХАТ, когда Юрский предложил мне роль в спектакле "Игроки". Ни для славы, ни для денег мне это не было нужно. Да, тот спектакль не всем нравился. Но я пережил такую ра-

Аргументы и факты, 1997 - апр. (№18) - с.10

дость, какую эстрадный артист никогда не испытывает... А то, что вы называете комплексом, может, и имело место, но только - как самый последний аргумент. Я не отрицаю, что где-то глубоко в моем подсознании этот комплекс и засел. Но эйфории по поводу того, что вот она, сцена Художественного театра, и вот он на ней я, и посмотрите на меня все, не принявшие меня в училище!.. Нет - нет, не было. Тем более что я давно получил полную компенсацию за все переживания юности.

- И уже не боитесь страшной ситуации, что вот вы произносите смешную фразу, а смеха в зале нет?..

- Боюсь, наверное. Ужасная ситуация. Выглядишь каким-то совершеннейшим идиотом. Но как раз после работы в театре я этого нау-

Фото Бориса Кремера

чился избегать. Тогда я начал разрушать способ подачи смешной репризы, перестал педалировать на таких фразах, "давить на газ". Это грандиозно делал Райкин. Он виртуозно готовил зал к тому, что - вот, сейчас я скажу что-то смешное!.. Но если ты не Райкин... В общем, я стал изрекать свои репризы как нечто обыденное - единственно от желания спасти себя от этого кошмара, когда я смею людей, а им не смешно.

- А сами вы над чем смеетесь?

- О, здесь у меня очень широкий круг интересов. Я надо всем почти могу смеяться. Даже над солдатским анекдотом. Вот, например, последний анекдот, над которым я смеялся: сидят в купе поезда два человека. На нижней полке. А над ними спит другой. На верхней. И вдруг эти двое нижних оказываются по уши в дерьме. Они обращаются к верхнему: "Эй, мужик, про-

Геннадий Хазанов: «Я - КОМИК, а не ДИССИДЕНТ»

снеси, ты обоссался!.." А он отвечает: "А я не сплю!.." Этот анекдот блестяще рассказал Ширвиндт, и мне было смешно, хотя, казалось бы, с точки зрения хорошего вкуса, - это пошлость. Но когда-то Александр Сергеевич Пушкин дал замечательное определение пошлости: "Пошлость - это то, что пошло в народ". В этом смысле огромное количество артистов мечтают стать пошляками.

- Вы из этих соображений издаете сейчас свое творчество на видеокассетах? Чтобы оно скорее пошло в народ? Или хотите поспорить с вечностью?

- С вечностью мне уже бессмысленно спорить. На телевидении столько моих записей не сохранилось! И за 30 лет никому не приходила мысль выпустить эти записи. А если и приходила, то ее, видимо, тут же прогоняли обратно. Единственная

пластинка вышла в 1975 году. С тех пор - вплоть до 1995-го - не было ничего... Иногда становится обидно, а потом думаю: ну, чего ты так убиваешься? Что ты - Шекспир?.. Что это, кроме факта твоей биографии?.. Это же все равно что переживать, куда делись те чулки, которые

на меня надевали в шестилетнем возрасте... Куда они пропали?! Или, по ассоциации с только что рассказанным анекдотом, поискать горшок. А в самом деле, где мой горшок?.. Почему нет?.. Найти надо горшок, подвесить к нему мемориальную доску: "В этот горшок с 1945-го по 1948 г. ходил лауреат Государственной премии Российской Федерации, народный артист Г. Хазанов"... Так я себе говорю, когда грустно. А кассеты выпускаю потому, что, может быть, это кому-то покажется странным, но: артист для того и становится артистом, чтобы выступать публично. И дальше речь идет только о масштабах. Зал, в котором я выступаю, вмещает несколько сотен, телеэкран показывает меня миллионам, но - только тогда, когда считает нужным. Я хочу, чтобы люди могли посмотреть Хазанова, когда им заблагорассудит-

ся, а не когда заблагорассудится телевидению.

- Если вам нужна аудитория, то почему в таком случае вы так редко и неохотно даете интервью?

- Я делаю это достаточно часто, нужно бы - еще реже. Чего так трепаться-то?.. К тому же вопросы журналистов иногда выходят за границы этики и вообще здравого смысла. Вот уже несколько лет я никак не могу понять, почему нужно с дочерью Шукшина и Федосеевой обсуждать взаимоотношения мамы и Бари Алибасова?.. Может, вы мне объясните?.. И все эти разговоры похожи на жвачку - без сахара, без смысла и без конца.

- Вы - участник предвыборной кампании Ельцина. Впоследствии - предвыборной кампании генерала Коржакова. Можно ли говорить о вашей политической ангажированности?

- Опять напомним: я - артист. Не политик, не экономист. Живой человек!.. И, как у каждого живого человека, у меня существуют свои симпатии и свои антипатии. Да, у меня хорошие отношения с Коржаковым, Сосковцом, Барсуковым, я этого не скрываю. Но я никогда не обращался к ним за помощью - может быть, именно это и стало залогом наших нормальных, хороших отношений. Только однажды я - при посредничестве Службы безопасности президента - добился разрешения пожарных зажечь свечи на сцене Театра эстрады. Пожарная служба Москвы это не разрешает. Более - ничего... И уж во всяком случае это не связано с какой-либо коммерческой моей деятельностью, поскольку ею я вообще не занимаюсь. Поэтому ангажированностью это назвать нельзя, можно - дружбой.

- Кроме предвыборных кампаний вы постоянно участвуете еще и во всех без исключения юбилейных концертах. Кажется, что без вас день рождения какого-нибудь политика или вовсе не состоится, или получится каким-нибудь... неполноценным. Как без торта. Когда-то вы поздравляли с юбилеем самого Брежнева. От участия в том концерте вы вряд ли могли отказаться, наверное. А сейчас? Можете ли вы отказать важному юбиляру?

- Пожалуйста. Более того, я не буду испытывать при этом страх, что завтра закончится моя карьера, мне перекроют путь на телевидение или не позволят больше концерттировать. Но как отказаться, если меня приглашает на юбилей мэр Москвы?.. Я испытываю к нему глубочайшее уважение. Считаю, что москвичам сильно повезло, что на их голову свалился такой мэр. И вообще... сейчас презреть власть как таковую считается признаком хорошего тона. Но я свое уже отпрезирал. И не собираюсь ни с кем больше воевать. Обнаружил, что жизнь для этого слишком коротка, и больше не воюю. Профессиональный комик и профессиональный диссидент - разные профессии.

Вадим ШАМСУЛИН